

## Глава вторая

С тех пор как во Дворце Икунь раздался залиvistый плач новорожденного принца Юнцзина, в сердцах бесплодных обитательниц гарема затеплилась робкая надежда. Пример Императрицы, разрешившейся от бремени в столь зрелые годы, вдохнул жизнь в увядающие чаяния наложниц. Дитя в этих холодных стенах — величайшее благословение, единственный человек, который на закате дней искренне разделит твоё одиночество. Впрочем, горький урок супруги Юй не прошёл даром: мало выносить и родить наследника, его нужно правильно воспитать и уберечь от чужих глаз.

Императорский сад внезапно расцвел новыми красками. Дамы гарема, соперничая в изяществе с весенними бутонами, струили мягкость и нежность, стараясь превзойти друг друга в кротости нрава.

Падкий на женскую красоту Цяньлун охотно поддавался этому очарованию, кочуя из покоев в покои и упиваясь сладостными ночами. Однако ни одна из его фавориток не могла сравниться в хитрости с Линь-фэй. Окруженная преданными слугами и превосходящая соперниц в утонченном коварстве, она неизменно оставалась некоронованной владычицей гарема.

Рождение ещё одного законного наследника наполнило сердце Цяньлуна гордостью. Более того, новорожденный вызывал у него странное, почти непреодолимое притяжение — императору безумно хотелось ласкать дитя, приблизить его к себе.

С тех пор вошло в обыкновение: завершив утренний прием и засвидетельствовав почтение вдовствующей императрице Нюхуру в Дворце Милосердия и Покоя, Цяньлун неизменно держал путь во Дворец Икунь, дабы навестить своего младшего сына.

Однако радость омрачалась неясным сомнением. Разглядывая безмятежно спящего младенца, Цяньлун всякий раз хмурился: его не покидало ощущение, что сын его недолюбливает.

Да, именно так: этот крошечный комочек питал к нему смутную неприязнь. Стоило императору переступить порог Дворца Икунь, как мальчик либо уже спал крепким сном, либо засыпал в мгновение ока. Зато весь день напролет он тянулся к старшему брату, Юнцзи! Да и сама Императрица Нала вела себя странно — она даже не пыталась привить младенцу сыновнюю почтительность, как делала это в своё время с Юнцзи. Ощущая укол уязвленного самолюбия, Цяньлун втайне досадовал на холодность супруги.

В памяти Цяньлуна двенадцатый принц Юнцзи всегда оставался робким, нелюдимым ребенком. Но теперь, взирая на мирно спящих бок о бок на теплой кушетке братьев, император вспоминал, как они забавлялись вместе, и как крошечный Юнцзин заливался звонким смехом, стоило Юнцзи подойти ближе. При этой мысли в груди правителя разливалась необъяснимая горечь.

Император был уязвлен. Сын Поднебесной не привык к пренебрежению, а тут какой-то младенец раз за разом заставлял его чувствовать себя лишним! Неблагодарный малец, такой

же упрямый и несносный, как его мать Нала! Обуреваемый досадой, Цяньлун резко развернулся и направился во Дворец Продления Счастья, даже не удостоивая взглядом попадавшихся навстречу красавиц.

Визиты государя во Дворец Икунь сделались редкими, и по гарему мгновенно поползли шепотки о том, что тринадцатый принц уже успел лишиться монаршей милости.

Вдовствующая императрица во Дворце Милосердия и Покоя, до которой тоже долетели эти слухи, лишь повелела приструнить дворцовую прислугу да бросила пару мимолетных упреков, не предпринимая никаких решительных мер. Душа ее лежала к пятому принцу, Юнци, — мальчик рос почтительным, прилежным и открытым, сущая услада для глаз. А вот Юнци... этот в свои малые лета казался скрытным и себе на уме. К тому же его статус законного наследника колол вдовствующей императрице глаза своей чрезмерной значительностью.

Временно ведающая делами внутреннего двора Линь-фэй кротко улыбалась. "Что путного может родить эта твердолобая женщина? — думала она о сопернице. — Разве что такого же неотесанного чурбана. И надо же, какая удача — один за другим двое сыновей!" При одной мысли об этом ее захлестывала досада. Сама она в злосчастный месяц призраков разродилась лишь двумя принцессами. Пусть император и заверял ее в любви, а придворные не смели заикаться о дурном предзнаменовании, на душе у нее все равно лежал тяжелый осадок.

Сжав в тонких пальцах вышивальную иглу, Линь-фэй со злостью уколола шелк, но мгновение спустя она снова ласково ухмыльнулась. Дети так хрупки... Легкий сквозняк, копеечная простуда, а если еще и нерадивая мать проявит глупость да недоглядит — пустяковый недуг вмиг обернется смертельной лихорадкой. А уж если мачеху обвинят в небрежении к собственным чадам, ее добродетельному облику придет конец. Какая жалость будет, если Императрицу сочтут недостойной матерью...

Едва переступив порог, Цяньлун замер. Его любимица сидела у окна вполоборота к двери. В руках она держала пальцы, она тепло и безмятежно улыбалась, а мягкий свет свечи очерчивал ее хрупкий силуэт, являя взору императора пленительную картину домашнего уюта.

Будучи натурой романтической и падкой на изящество, государь мгновенно растаял, упиваясь этой обманчивой идиллией.

Услышав шаги и негромкий возглас слуги, Линь-фэй с наигранным испугом и радостью обернулась. Поймав его восхищенный взор, она поспешно отложила шитье и склонила голову так, чтобы император видел лишь изящный изгиб ее шеи и нежный профиль. Медленно опустившись в безупречном поклоне, она пропела чарующим голосом:

— Ваше Величество, низайший поклон. Да пребудет с вами счастье и благоденствие.

Цяньлун, мнивший себя истинным ценителем женской прелести, не вынес смирения красавицы. Шагнув вперед, он бережно подхватил Линь-фэй под локти:

— Полно, моя дорогая, поднимись.

И пока в главном зале Дворца Продления Счастья раздавался беззаботный смех, в других уголках необъятного дворца покинутые женщины кутались в холодные шелка, коротая тоскливые ночи в полном одиночестве.

Матушка Ли и матушка Жун, понимая, что им не под силу заглушить злые языки во всем гареме, решили по крайней мере навести порядок дома. Они строго приструнили слуг во Дворце Икунь, наказав им держать язык за зубами, чтобы ни одна дурная весть не долетела до ушей Императрицы Нала. Ее Величеству следовало сначала оправиться после тяжелых родов, а уж потом решать, как быть.

Выслушав доклад личного стражника, Иньжэн лишь снисходительно усмехнулся. Он небрежным жестом велел Линь Яо установить строжайший надзор за всем, что вносят и выносят из Дворца Икунь.

Раздав распоряжения и проводив взглядом спешно удалившегося Линь Яо, Иньжэн взял со стола чашку чая. Сквозь полупрозрачную струйку пара он задумчиво разглядывал человека, неподвижно застывшего перед ним на одном колене. Это был Уланара Минкай, двоюродный племянник его августейшей матушки.

Род Уланара славился своей сдержанностью и осторожностью, однако Иньжэн, дважды возводимый на престол и дважды низвергаемый в прошлой жизни, был слишком искушен. Малейшее колебание, едва заметное напряжение в плечах Минкай выдавали его глубокое смятение. Теперь, когда у Императрицы подрастали двое законных сыновей, ее клан наконец-то воспрянул духом и возжелал большего. В их сердцах поселилось опасное тщеславие.

Сделав глоток ароматного настоя, Иньжэн небрежно опустил чашку на столик у кушетки и, поудобнее устроившись среди мягких подушек, лениво протянул:

— В этом нет ничего дурного. Пока я здесь, никто не посмеет обидеть Юнцзина. Дерево, что выше прочих в лесу, первым гнется под натиском бури. Тот, кто смеется последним, празднует победу. К тому же, — Иньжэн улыбнулся так чисто и безмятежно, как подобает трехлетнему ребенку, — только в такие времена и можно разглядеть, кто предан нам душой, а кто лишь маску носит.

Слушая, как этот крошечный мальчик рассуждает с умудренностью опытного государственного мужа, Минкай невольно содрогнулся от изумления. Однако, вопреки здравому смыслу, его тревога улеглась, уступив место странной уверенности в правоте маленького принца.

Оставшись довольным его реакцией, Иньжэн бросил взгляд на замершего у дверей слугу, легко поднялся и плавным движением расправил складки своего детского халата.

— Линь Яо, Минкай, ступайте за мной. Навестим матушку и моего младшего брата.

— Слушаюсь, двенадцатый принц, — в один голос отозвались Линь Яо и Минкай.

Иньжэн одарил Минкаю едва заметной, лукавой усмешкой и уверенно зашагал к выходу. В его душе царил абсолютный покой: этот клан рано или поздно присягнет ему на верность.

Но стоило ему перешагнуть порог, как мальчик мгновенно преобразился, растеряв всю властность. Теперь перед дворцовой челядью предстал прежний тихий, нерешительный двенадцатый принц Юнцзи.

Поднимаясь с колен, Минкай на миг поймал взгляд принца — взгляд глубокий, пронизательный, заставивший его оцепенеть от необъяснимого страха. Линь Яо дружески похлопал его по плечу, приводя в чувство, и Минкай, тряхнув головой, поспешил вслед за маленьким господином.

Шагая за Юнцзи и наблюдая, как тот весело семенит впереди, словно самый обычный беззаботный малыш, Минкай содрогался, вспоминая бездонную черноту его глаз. "Как же глуп я был, поддавшись панике и не разглядев скрытой сути этих сплетен, — думал гвардеец. — Беспокойство за тетку затмило мне разум. Но то, с какой легкостью принц раскусил чужую игру, поражает. Невероятный ум для ребенка трех лет! Мальчик уже сейчас строит планы, как защитить мать и новорожденного брата..." Минкай мысленно вздохнул. Императорская семья — воистину зловещее место, где взрослеют слишком рано. Его стража подходила к концу, и дома следовало все хорошенько обдумать. После целого года наблюдений он наконец укрепился в мысли: их клану пора сделать свою ставку.

Императрица Нала в это время пыталась расшевелить своего необычайно тихого младенца. Услышав о прибытии старшего сына, она подняла голову и ласково улыбнулась при виде пухлого малыша, который со всей серьезностью взрослого чинно склонился перед ней в поклоне. Позволив ему подняться, она подозвала Юнцзи ближе к постели, принялась расспрашивать о его делах и здоровье, а после щедро одарила Линь Яо и остальных сопровождающих.

Они побеседовали еще немного, пока на бледном лице Нала не проступила усталость. Иньжэн взглядом велел матушке Жун поправить подушки и помочь Императрице лечь. Сам он крепко сжал ее ладонь в своих маленьких ручках и с искренней детской заботой произнес:

— Матушка, вам нужно побольше отдыхать. Сын обретет покой лишь тогда, когда вы полностью поправитесь.

Он смотрел с решимостью, и его темные, как обсидиан, глаза блестели; малыш явно ждал от нее твердого обещания беречь себя.

Лишь когда Императрица с нежной улыбкой кивнула, Иньжэн успокоился. Позволив матушке

Ли взять на руки спящего Хунши, он с радостным видом покинул покои.

Нала закрыла глаза. Она почувствовала нежность, смешанную с легкой грустью: ее маленький Юнцзи так быстро повзрослел.

Иньжэн вместе с матушкой Ли направился в свои покои во Дворце Земного Спокойствия, расположенные неподалеку от спальни Императрицы. Встречавшиеся по пути слуги двигались бесшумно и кланялись со всем почтением. Мальчик удовлетворенно кивнул: во всем должна чувствоваться строгость и величие, подобающие императорскому дому.

Оставив Минкаю караулить у входа, Иньжэн отослал прочую прислугу, оставив при себе лишь матушку Ли да кормилицу Хунши. Отправив Линь Яо в комнату младшего брата за некоторыми вещами, он поудобнее устроил младенца на руках и неторопливо, вкрадчивым тоном заговорил с кормилицей. Его мягкие, напевные слова дышали ледящей стужей. В теплой, жарко натопленной комнате несчастную женщину прошиб холодный пот; она гнулась все ниже, едва не касаясь лбом пола, готовая побожиться всеми богами в своей абсолютной верности.

Линь Яо бесшумно вернулся и едва заметно кивнул молодому господину.

Иньжэн одобрительно прищурился, и слуга привычно занял место по правую руку от него, опустив голову.

Окидывая мимолетным взглядом дрожащую кормилицу, Иньжэн мягко улыбнулся, пожаловал ей мелкую награду и отпустил. Проводив ее глазами, он посмотрел на силуэт стоявшего за дверью Минкаю. Хранить жизни близких этой женщины в своих руках — единственное надежное средство уберечь ее от предательства.

Теперь Иньжэн не верил пустым клятвам. Жизнь научила его ценить ту самую науку сдержек и противовесов, которую он когда-то столь высокомерно отвергал.

Опустив взгляд, он принялся легонько перебирать пухлые пальчики Хунши. Тот сердито завозился, возмущенный тем, что его превратили в забавную безделушку. Он попытался вырваться, но силы младенца были слишком ничтожны — бунт безжалостно подавили на корню.

Немного помешкав, матушка Ли сделала пару шагов вперед и, почтительно склонившись, заговорила вполголоса, пересказывая все слухи и происшествия, случившиеся во Дворце Икунь за последние дни. Закончив доклад, она так и осталась стоять согнувшись; она оставалась бесстрастной, но выступившая на лбу испарина выдавала ее глубокое волнение.

В покоях воцарилась тишина. Для матушки Ли эти мгновения тянулись бесконечно долго. Пальцы ее судорожно сжались в складках платья, а спина согнулась еще ниже.

Заметив ее страх, Иньжэн мягко улыбнулся и поднял голову. Голос его звучал на редкость ласково:

— Матушка Ли, вы — верная опора моей августейшей матери. Характер у нее прямой и гордый, а потому вам надлежит мягко предостерегать ее от опрометчивых шагов. Матушка Жун преданна всей душой, но порой ей недостает дальновидности. Вы же наделены редкой проницательностью, так помогите ей сберечь покой во дворце. Сейчас Юнцзин еще совсем мал, и вам придется взять на себя немало забот. Поверьте, я не забуду ваших трудов.

От этих слов женщина торопливо опустилась на колени, лепетя слова благодарности и уверяя, что лишь исполняет свой долг.

Иньжэн едва заметно кивнул, и Линь Яо тут же бережно помог ей подняться.

Баюкая засыпающего брата, Иньжэн беззаботно промолвил:

— Я слышал, вашему племяннику в этом году исполнилось восемнадцать? Говорят, он не обделен талантом к ратному делу. Что ж, пусть послужит в императорских войсках — там у него будет славное будущее.

Матушка Ли осыпала принца благодарностями и, заметив, что оба ее маленьких господина уже сладко дремлют, тихонько поклонилась и выскользнула за дверь.

Оказавшись на прохладном воздухе, матушка Ли с облегчением разжала онемевшие пальцы. Еще полгода назад, когда невестка мимоходом упомянула, что доверенный евнух двенадцатого принца Линь Яо подыскал для ее сына толкового учителя воинских искусств, она поняла: их простодушный маленький Юнцзи давно перестал быть ребенком.

Но чтобы настолько... Она до сих пор помнила ту вспышку гнева, когда евнух впервые явился к ней с разговором. Пусть она не вскармливала Императрицу собственной грудью, как матушка Жун, но вырастила ее на своих глазах. Неужто родной сын решился плести интриги за спиной матери?! Родственные узы в императорском роду всегда казались ей пугающе призрачными, и тогда Ли было до глубины души обидно за свою госпожу.

Будто угадав ее мысли, Линь Яо тогда долго оправдывал принца, но обида все равно осталась. Теперь же, оглядываясь назад, Ли понимала, как глубоко ошибалась. На днях во Дворце Икунь провели строгую чистку: кого-то щедро одарили, кого-то сурово наказали, а под предлогом молитвы о здравии Императрицы и новорожденного принца и вовсе отослали прочь целую ораву подозрительных слуг. Лишь благодаря этому во дворце воцарился долгожданный покой. Матушка Ли мысленно вздохнула: двенадцатый принц — плоть от плоти Ее Величества. Оберегать его и хранить верность Юнцзи вовсе не означало предавать Императрицу. Это был единственный способ спасти их всех.

Сверившись со временем, она торопливым шагом направилась к дворцовой кухне за целебным

отваром для госпожи.

Проходя мимо одной из запертых комнат, матушка Ли невольно замедлила шаг. То были покои покойной пятой принцессы. Именно после ее безвременной кончины двенадцатый принц изменился до неузнаваемости.

Перед ее глазами невольно возник прежний образ Юнцзи — круглощекого, весело смеющегося малыша, от которого теперь осталась лишь бледная тень со скорбным взглядом. Ей вновь стало грустно. В памяти всплыли дерзкие, но пугающе правдивые слова Линь Яо, сказанные в ту ночь: «Наш принц слаб здоровьем, да и Ее Величество носит под сердцем дитя. Они не переживут еще одной такой "внезапной хвори", погубившей маленькую принцессу. Мой господин просто хочет сберечь свою семью. Ее Величество слишком прямодушна и честна, чтобы вовремя заметить змею у себя на груди. Двенадцатый принц лишь берет на себя мелкие заботы, дабы никто не посмел очернить Императрицу перед взором государя...»

<http://bllate.org/book/18338/1768142>